

КНЯЗЬ РЮРИК

1000-ЛЕТНЯЯ ЗАГАДКА

Михаил САРБУЧЕВ

НИКАКОГО
РЮРИКА
НЕ БЫЛО?!

УДАР СОКОЛА

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С 20

Оформление серии *С. Курбатова*

На переплете рисунок художника *Александра Свербута*

Сарбучев М.

С 20 Никакого Рюрика не было?! Удар Сокола / Михаил Сарбучев. — М. : Яуза : Эксмо, 2013. — 224 с. — (Князь Рюрик. 1000-летняя загадка).

ISBN 978-5-699-68265-2

Раз уж о князе Рюрике начали рассуждать даже писатели-юмористы вроде М. Задорнова — значит, нет в древнерусской истории фигуры более «модной», спорной, загадочной и сомнительной. Если оспариваются не только мифы «норманистов», но и летописи, ведущие отсчет русской государственности с «призвания Рюрика», — вполне уместен вопрос: А БЫЛ ЛИ ОН ВООБЩЕ?

Почему преодоление рядового династического кризиса стало вдруг «точкой сборки» нашей цивилизации? Кто имел больше прав на ладожский престол — Рюрик или его племянник Вадим? Как заурядный «спор славян между собою» раздули до масштабов «основания державы»? Почему летописцы приписывают «князю-Соколу» деяния, совершенные через много лет после его смерти? Не потому ли, что никакого Рюрика вообще не было? Чем так опасен миф о «призвании варягов»? И откуда на самом деле «есть пошла Русская Земля»?

Новое историческое расследование от автора бестселлеров «Никакого «Ига» не было!» и «Крещение Руси – благословение или проклятие?» отвечает на все эти вопросы.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-699-68265-2

© Сарбучев М., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Между тем история древнейшей славянской Руси так богата фактами, что везде находятся ее следы, вплетшиеся в быт всех народов европейских, при строгом разборе которых Русь сама собою выдвинется вперед и покажет все разветвление этого величайшего в мире племени...

Е. И. Классен¹

ПЫЛЬ ВЕКОВ.

Размышления на берегу

Ранняя осень. Сыро. Тепло. Небо прозрачно. Оно еще порадует парой солнечных деньков. Воды Волхова удивительно спокойны, как будто на равнину уронили гигантское зеркало, в котором отражаются величественные облака, плывущие от Ладоги в глубь континента. Под ногами чавкает жирный чернозем. Откуда здесь чернозем? Такого не может быть. Если вспомнить про зону рискованного земледелия, то тут, получается, прямо-таки зона повышенного риска... Тем не менее и в частных огородах, и в монастырском подсобном хозяйстве, и в крепости земля черная-черная, без следов обычных суглинков и супеси. Эту землю любили многие поколения. Сделали ее не просто пригодной для обработки, а первоклассной, тучной, плодородной.

Место слияния Волхова и маловодной Ладожки, левого притока, удивительно напоминает место слияния Москвы-реки и Неглинной. Мы в Старой Ладоге — древней столице государства Российского, в городе, который на 500 лет старше Стокгольма,

на 450 — Берлина и почти на 150 лет «взрослее» первого каменного строения на острове Цесепер, от которого исчисляет свой возраст Будапешт. По данным хроник, каменно-земляная крепость здесь имелась уже в конце IX века, деревянная — и того раньше, а поселение существовало и вовсе с незапамятных времен. Та кладка, что фрагментами сохранилась по сей день, конечно же, не помнит ни Рюрика, ни его верного сподвижника Олега, прозванного Вещим. Она появилась позже, когда некто Павел, посадник храброго Мстислава, «иже зареза Редѣдю», восстановил здесь северный форпост Руси. Случилось это за 38 лет до первого упоминания Колывани — ныне столицы гордой, независимой Эстонии. Каменные сооружения Таллина и того моложе, но нечто общее, определенно, есть. Как есть нечто общее и с Копорской, Ямской, Изборской крепостями. Толстая Маргарита чем-то напоминает Климентовскую и Раскатную башни. Но все они: и Ям, и Копорье, и Колывань, — можно сказать, младенцы по сравнению с Ладогой. Только Изборск хранит предание о некоем Труворовом городище — резиденции брата (?) Рюрика. А знаменитый Ивангород — так и просто гость из далекого будущего. Его камни были скреплены раствором спустя 700 лет после ладожских!

Мы, современные жители Земли, зачастую не способны мысленно охватить такой огромный срок — 700 лет. Приблизительно столько прошло от победы благоверного князя Александра (Невского) над ливонскими рыцарями до освоения человечеством реактивных технологий и полета Гагарина. А для нас что Ладога, что Ивангород, ну... примерно одно и то же. Смешивая «в одну эпоху» столь разные сю-

жеты, мы легко можем «подарить» Ярославичу пару батарей «катюш», эскадрилью «лаггов». Ну а что? С немцами воевать самое оно! А там уж и до «противостояния с НАТО» недалеко. Да и дата образования Североатлантического альянса выпадает из обозначенной «эпохи» всего лишь на каких-то семь лет (погрешность — 1%). Так что НАТО, будем считать, тогда тоже было.

Вот так, опираясь на собственный шаткий опыт, различные «умники», получившие образование в «партийных школах» без отрыва от производства, а то и просто прикупившие диплом, приписывают нашим древним пращурам совершенно фантастические мотивы действий, пытаются объяснить их через призму позднейшего знания и, разумеется, попадают впросак.

Но в Старой Ладогe не хочется думать о подобном. Все это представляется ядовитой пеной, бурлящей в зловонной сточной канаве. А над ней, как и тысячу лет назад, нависают серо-голубые небеса (им все равно, над чем нависать). А под их бесконечным шатром медленно и вальяжно течет седой Волхов, как тек он тогда, когда его гладь разрезали форштевни варяжских дубасов.

Старая Ладога не любит суеты. Здесь все размеренно и чинно, возможно, потому, что она живет не здесь и не сейчас. Древняя столица Руси принадлежит вечности. Может, так и должно быть. Может, и ничего, что основатель великого государства так и не удостоился памятника в стране, которая пережила его более чем на тысячелетие. На берегу Волхова, в парке, ограниченном с одной стороны микроскопическим краеведческим музеем, а с другой — по-

косившимися заборами частных домовладений, скромно притаился камень, к которому прилеплена мемориальная табличка с надписью, что памятник Рюрику здесь еще только *будет* сооружен. Когда-нибудь. Чья-то рука возложила к нему скромный букетик роз, и камень словно слезоточит. Он устал ждать внимания от нерадивых потомков, он не хочет быть просто камнем у деревенской дороги, он мечтает стать камнем у подножия монумента.

Несомненно, есть множество более достойных личностей, куда сильнее повлиявших на российскую государственность: Омар Хайям, Абай Кунанбаев, Остап Бендер, ну и, разумеется, Ходжа Насреддин. Читающая у нас страна... В новой России эти памятники выросли, как грибы, за последние 20 лет. А Рюрик? Трувор? Синеус? Может, и не было их вовсе? Может, это сказочные персонажи вроде Иванушки-дурачка и Царевны-лягушки? Впрочем, они-то свою порцию бронзы получили, и не где-нибудь, а у стен Московского Кремля. Очередная *matrioshka* на потеху зарубежным туристам. Что и говорить, страна, не имеющая памятника своему основателю, выглядит жалко. А ведь это играет не последнюю роль в формировании кодов и мифов, которые составляют национальное самосознание. Сегодня коды формируют новые «герои», а Рюрик, Аскольд и Вещий Олег ждут. И недоумевают. Память об известном фольклорном герое-весельчаке, уроженце Бухары, в мире увековечена трижды. В Бухаре (логично), в Анкаре (которую он согласно литературным источникам посещал) и... в Москве, на Рублевке. Рюрик книжек не писал, героем анекдотов не стал, турецкоподданным не был и потому памятника не

удостоился. Понятно, в бюджете есть гораздо более значимые позиции. Чемпионат мира по футболу, например.

Однако это *мои* эмоции. Эмоции человека XX—XXI веков, песчинки в вихре истории. Возможно, наш великий пращур выше подобных обид. Он, восседающий за пиршественным столом по правую руку от Перуна в заоблачных высях, окидывает мысленным взором далекое грядущее и не переживает по поводу каких-то тысячи с небольшим лет. На его часах это мгновения. Он ведаёт, что рассеется морок, что поток времени смоеет всех шелудивых «евразийских» клоунов, впившихся мертвой хваткой в мозг народа, и народ *вспомнит*, кто такой Рюрик, и понесет на знаменах имя своего великого вождя.

Пред мудрыми очами проплывают картины будущего. Князь видит международный аэропорт «Горчаковщина» (Ладога-1), превосходящий по пассажиропотоку JFK и Heathrow, вместе взятые; поезда на магнитной подушке, за два часа доставляющие пассажиров в Хельсинки, за три — в Плесецк и Москву. Городская агломерация Старой Ладogi поглотила окружающие населенные пункты и сомкнулась с Санкт-Петербургом. По системе каналов наподобие Кильского океанские суда подходят к терминалам, а дальше, вдоль озера, по берегам каналов, — лес кранов, портовые склады, от которых ежеминутно отваливают фуры, выруливают на 16-полосную трассу Мурманск — Владивосток и скрываются вдаль. Южнее, где сейчас город Волхов, посверкивают в закатных лучах синеватыми стеклянными фасадами громады Ладogi-Сити, причудливые очертания главных зданий Музея русской истории и Институ-

та славянской письменности, плод трудов архитекторов, выписанных из Полоцкой земли. И только здесь, в заповедной части рядом с крепостью, все осталось, как было сотни лет назад. Шумят молодые дубы городского парка, лишь время от времени по старинному обычаю свадебные кортежи подъезжают к могиле Вещего Олега и к мемориалу основателя Русского государства — поклониться духам предков.

Когда это случится? Может быть, по его часам — оно и тикнуть-то не успеет. Может, все это уже пришло — осталось лишь протереть глаза, отогнать тени Нави и узреть великую будущность народа. Народа, раздвинувшего границы Европы до Тихого океана и Памира, народа, преодолевшего земное притяжение. И потому абсолютно безразлично, будет ли установлен памятник сейчас или наносекундой позже, ведь стоять ему века.

Возможно, так и произойдет. А пока — убогие деревянные домишки, сиротливо приткнувшиеся к единственной более-менее асфальтированной дороге; автобус, ходящий в Питер два-три раза в сутки; ресторан «Князь Рюрик» (предприимчивые земляки помнят своего правителя) и несметные сокровища, как водится, оставшиеся до лучших времен во множестве курганов, что встречаются здесь повсюду.

Старой Ладоге еще, можно сказать, повезло. Музеефикация крепости началась в 1901 году, когда на губернском собрании было высказано пожелание открыть в селе музей и «установить земскую организацию для приведения в известность, регистрации и описания этих памятников»². То есть в 2001-м музей отметил свое столетие. А в 2012-м состоялся другой юбилей — 1150 лет российской государст-

венности. Широкая пресса оставила эту дату без внимания, Ладогу не посетили ни руководители государства, ни министр культуры, ни мэр культурной столицы. Единственное, чем страна отметила свой юбилей, — выпуск серии монет. Стоимость каждой исчисляется от 70 000 рублей, так что большинству российского народа они недоступны. Кроме того, дату, пусть и не очень круглую, шепотом упоминали в кабинетах ученых.

Зато с какой помпой, с каким размахом, достойным лучшего применения, праздновалось недавно 400-летие (?) дома Романовых! Сколько официального елтя вылито по поводу последнего из них, получившего в народе обидно-пренебрежительное прозвище Николашка, разбазарившего наследие Рюрика и Олега, предавшего дело своего прапрапрадеда Петра Великого. Кому и, главное, зачем нужно возродить династию, которая жестко и однозначно прервалась в 1918 году? Романовы умерли. Все. Никто не выжил. И случилось это на 305-м году царствования. Царь отрекся. Низ-ло-жен. Всё. 305. Точка! Никаких 400. Целых 95 лет Романовым «подарили» большевики. За что? За какие такие заслуги? Почему нам так усердно пытаются навязать эту ничтожную по историческим меркам цифру? Причем навязывают ее, как правило, те, кто в голос гогочет над американской государственностью: «Всего 230 лет — ха-ха-ха!» Действительно смешно. А вот 305 — совсем иное дело: это дает право поучать и снисходительно поглаживать других по вихрастой шевелюре. Мы — великие и древние!

Однако, господа, *вы не справились! Вы допустили* 1855, 1914 и 1917 годы! И история поставила вам

«неуд», пускай даже руками большевиков. История — жестокий учитель. Но, надо признать, справедливый. Ее оценки стоят жизни династиям, вспомним хотя бы некогда роскошную династию Валуа. Мезальянсы, браки между дальними родственниками, седьмой водой на киселе, не дают права на трон. Нигде, даже у африканских бушменов и австралийских маори. А вот «рюриковичи» живы, и многие из них могут доказать свое происхождение с фактами в руках.

Я стою на низком волховском берегу, в Ладоге — древней российской столице, откуда есть пошла Русская Земля, откуда русичи не раз грозили Царь-граду, откуда отплыли лодьи Аскольда в поисках дальних богатых земель, но остановились на полдороге, так как им чем-то глянулось полянское поселение, основанное Кием, которое платило дань хазарам. В такую древность заглядывать очень трудно. Нет хроник, пусть даже отредактированных. Почти не сохранилось артефактов. Мы затрагиваем сферы, где любое мнение так и остается гипотезой. И все же давайте попробуем заглянуть за горизонт, угадать прошлое, не делая из него иконы и не пытаясь осмеять, как это невольно получается, если подойти к минувшим векам с нынешними представлениями. Но иногда и камни говорят. Иногда сама природа оставляет нам крохотные лазейки: не все свидетельства уничтожены. Здесь, в вотчине Рюрика, все становится на свои места. Все обретает плоть и смысл.

Будем же вести себя подобающе. Склоним головы перед величием подвига предков и постараемся прозреть будущее народа нашего.

БИТВА СО ЗМЕЕМ.

До и после

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

А. Блок

(18 октября 1905 года)

Наши «исторические расследования» часто приводят нас в Польшу. Здесь работал историк-русофоб Длугош, здесь столетиями культивировалась ненависть к восточному соседу-«азиату». Польша была сферой пристального внимания профессора Дерптского университета Карла Фридриха Крузе, автора идеи о нашествии монгольских татар на Русь. Поляки помнят Катынь, но предпочитают не вспоминать о том, что из тысяч красноармейцев, попавших в плен в 20-е годы, домой вернулись лишь единицы.

Но Польша бывает разной. И поляки тоже. И в этой земле найдется свой праведник. В 1844 году в Лейпциге вышла «Русская старина» Крузе, в которой он фактически «научно» обосновывал необходимость колонизации России, представляя ее производной от кочевых племен Евразии. Всего два года спустя — в 1846-м — в очень древнем польском городе Гнезно, ровеснике Ладоги, тогда еще мало из-

вестный широкой публике археолог-любитель и коллекционер древностей Фаддей (Тадеуш) Воланский издал другую книгу. Книгу, которой была уготована причудливая судьба. Через семь лет она попала в «Индекс запрещенных книг» Ватикана и была приговорена к сожжению. Нет, это не ошибка. На дворе стоял не 1453 год, а «железный» XIX век. Уже полстолетия по Европе катятся паровые фуры Ричарда Тревитика, 77 лет как принята Декларация независимости Североамериканских Соединенных Штатов, которая поставила под сомнение божественность происхождения государственной власти. А инквизиция не дремлет.

Что же такого страшного написал поляк? Он всего-навсего усомнился в концепции тотальной отсталости славян по сравнению с другими народами Европы. В своем труде, составленном в виде писем с приложением большого числа рисунков, гравюр и описаний различных древностей, которые автор нашел в экспедициях по славянским землям, он знакомил читателей с новыми артефактами и давал неожиданные толкования известным фактам. И по всему получалось, что чуть ли не вся европейская культура вышла из Южной Прибалтики, а главными ее носителями были племенные союзы славян и русов. Воланский — один из авторов идеи соотнесения древних проторусов и этрусков. На многих из предметов, представленных Воланским, имеются письменные знаки, которые он определил как славянские. А сами предметы отнес к дохристианскому периоду славянской истории и культуры. Не получались у него славяне «варварами и почти зверьми» до того, как греки «даровали» им письменность.

И своя письменность была, причем весьма развитая, и монеты, и прочие следы высочайшей цивилизации, в дальнейшем утраченной. Одна из возможных причин этой утраты — именно последующая христианизация, как западная, так и восточная, которая уничтожила большинство следов материальной культуры, существовавшей ранее. Собственно, этого вывода автор напрямую не делает, но намекает на него довольно прозрачно.

«Дожив до седых волос за изучением славянской истории, я всегда сомневался в утверждениях всех, даже российских знатоков старины о том, что российская нумизматика ведет свое начало от Владимира Великого (равноапостольного князя Владимира Святославовича (Святого). — *М. С.*), в то время как я находил монеты языческих времен VIII и IX веков у чехов и ляхов. Я считаю невероятным, чтобы одно из могущественнейших и известнейших славянских племен этой культурной ветви отставало бы от других племен и довольствовалось бы натуральным обменом или чужими монетами.

Исходя из этой предпосылки, я неустанно продолжал заниматься исследованиями и счастливо найти наконец подтверждение моим идеям. Я готов представить уважаемой Академии несколько золотых и серебряных монет, восходящих ко временам Рюрика, которые занимают, если не в торговле между различными народами, то в истории нумизматики высокую ступень в качестве памятных монет или медалей»³.

Один из артефактов — монета (медаль? амулет?), на аверсе которой вполне однозначно читается имя нашего героя — и должен нас заинтересовать. «Зо-